

(в том числе попытку отравления Карла, сына герцога Бургундского, одним из придворных), смерть Карла VII и воцарение Луи XI [9, р. 1–249].

Пятая книга (66 глав) посвящена преимущественно событиям 1464–1465 гг. – накануне и в период «Лиги общественного блага». Последние главы «Мемуаров» рассказывают о походе Карла Смелого против восставшего Льежа, смерти Филиппа Доброго 15 июня 1467 г. и заканчиваются описанием его похорон 22 июня [10, р. 1–308].

Подводя итоги можно сказать, что «Мемуары» Жака Дю Клерка это пример городской хроники, написанной человеком, занимавшим относительно невысокое положение в бургундской иерархии и не покидавшего пределы своей округи. К характерным чертам его «Мемуаров» можно отнести следующие: 1) в отличие от многих представителей бургундской школы у него нет особых восторгов по поводу знати бургундского двора, он не позволяет рыцарству доминировать в своих «Мемуарах» [5, р. 438]; 2) в отличие от некоторых современников, таких, как Ж. Шателен или Ф. де Коммин, Ж. дю Клерк старается избегать личных оценок излагаемых событий [2, р. 89]. Его «Мемуары» — это не акт обвинения и не акт оправдания, он просто пишет то, что видел или слышал [1, р. 18]; 3) наиболее ценная и оригинальная часть «Мемуаров» Ж. дю Клерка посвящена истории г. Арраса и его округи, тогда как повествование о событиях происходивших за пределами Артуа, в той или иной мере, является компиляцией из других источников.

1. Bousmar, E. Les emprunts de Jacques du Clercq à Jean Chartier: note sur l'historiographie franco-bourguignonne au 15e siècle / E. Bousmar // Serta Devota in memoriam Guillelmi Lourdaux. – Louvain: University Press, 1995. – Т. 2 – P. 115–148.
2. Devaux, J. L'historiographie bourguignonne, une historiographie aveuglante? / J. Devaux // La cour de Bourgogne et l'Europe. Le rayonnement et les limites d'un modèle culturel; Actes du colloque international tenu à Paris les 9, 10 et 11 octobre 2007, ed. W. Paravicini. – Ostfildern: Thorbecke, 2013. – P. 83–96.
3. Du Fresne de Beaucourt, G. Histoire de Charles VII / G. Du Fresne de Beaucourt : en 7 t. – Paris: librairie de la Société bibliographique, 1881. – Т.1: Le Daupin. – 567 p.
4. Dupont, E. Jacques du Clerqu / E. Dupont // Bulletin de la Société de l'histoire de la France. Années 1857–1858. – Paris: Renouard, S.d. – Ser.2. – Т.1. – P. 104–107.
5. Doutrepont, G. La littérature française a la cour des ducs de Bourgogne / G. Doutrepont. – Paris: H. Champion, 1909. – 612 p.
6. Marchandise, A. Jean de Wavrin, un chroniqueur entre Bourgogne et Angleterre, et ses homologues bourguignons face à la guerre des Deux Roses // Le Moyen Âge, 2006. – №3. – P. 507–527.
7. Mémoires du J. Du Clerqu, sur le règne de Philippe le Bon, duc de Bourgogne. Publiés la première fois par le baron de Reiffenberg : en 4 t. – 2 ed. – Bruxelles: J.-M. Lacrosse, 1835. – Т.1. – 505 p.
8. Mémoires du J. Du Clerqu, sur le règne de Philippe le Bon, duc de Bourgogne. Publiés la première fois par le baron de Reiffenberg : en 4 t. – 2 ed. – Bruxelles: J.-M. Lacrosse, 1835. – Т.2. – 430 p.
9. Mémoires du J. Du Clerqu, sur le règne de Philippe le Bon, duc de Bourgogne. Publiés la première fois par le baron de Reiffenberg : en 4 t. – 2 ed. – Bruxelles: J.-M. Lacrosse, 1836. – Т.3. – 337 p.
10. Mémoires du J. Du Clerqu, sur le règne de Philippe le Bon, duc de Bourgogne. Publiés la première fois par le baron de Reiffenberg : en 4 t. – 2 ed. – Bruxelles: J.-M. Lacrosse, 1836. – Т.4. – 408 p.
11. Molinier, A. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494) : en 6 t. / A. Molinier. – Paris: A. Picard & fils, 1904. – Т.5. – 399 p.
12. Stecher, J. Duclercq (Jacques) / J. Stecher // Biographie Nationale publiée par l'Académie Royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique : en 44 t. – Bruxelles : Bruylant-Christophe & C., 1878. – Т. 6. – Coll. 234–236.
13. Stengers, J. Sur trois chroniqueurs. Note sur les rapports entre la continuation anonyme de Monstrelet, les «Mémoires» de Jacques du Clercq et les «Chroniques d'Angleterre» de Jean de Wavrin / J. Stengers // Annales de Bourgogne, 1946. – Т.18. – P. 122–130.

Тогалева Е.Д., Мороз О.Л.

СТАТУТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК ИСТОЧНИКИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Основными законодательными актами, в которых содержались нормы процессуального права, действовавшего на территории Беларуси в XV–XVI вв., являлись областные и земские грамоты, Судебник 1468 г., а также Статуты 1529, 1566 и 1588 гг. Каждый из этих Статутов представлял собой Свод законов Великого княжества Литовского [1, с. 29]. Издание Статутов явилось подлинной революцией в правотворчестве ВКЛ – это были первые в Европе своды зако-

нов, основанные на местном законодательстве и обычном праве, в то время когда в большинстве европейских государств пользовались римским правом.

Наиболее полно нормы о доказательствах были изложены в Статуте 1588 г., который действовал на территории Беларуси до середины XIX в. Процессуальное право на основе Статута 1588 г. было единым как для гражданских, так и для уголовных дел. Судопроизводство в суде начиналось по заявлению истца (обвинителя), который был обязан сам собирать и доставлять в суд доказательства, поддерживать обвинение в суде.

Процессуальная правоспособность сторон в феодальном праве зависела от их классовой и сословной принадлежности. Полной процессуальной правоспособностью обладали только шляхтичи, достигшие совершеннолетия и вышедшие из-под отцовской опеки. Ограниченной процессуальной правоспособностью обладали простые люди – горожане и крестьяне. Лишались права выступать в суде в качестве истцов и ответчиков холопы, челядь невольная, пленные, а также лица, изгнанные из государства. Лица, отлученные от церкви, могли быть ответчиками, но не могли предъявлять иски [1, с. 30].

Теория формальных доказательств, которая господствовала в процессуальном праве того времени, основывалась на заранее установленной в законе силе доказательств, которые подразделялись на совершенные и несовершенные. Количество и качество необходимых доказательств заранее определялось законом для каждой категории дел.

Основными видами доказательств считались объяснения сторон, их признания, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, выводы экспертов. Объяснения истца или ответчика, подкрепленные личной присягой и присягой свидетелей, занимали одно из центральных мест в системе судебных доказательств: «довод доказательный и опровергательный составляет также и присяга, если кому недостает письменных доказательств или свидетелей» [2, с. 425].

Здесь необходимо отметить одну важную особенность: процессуальное законодательство того времени рассматривало объяснения сторон исключительно как способ совершения отдельных процессуальных действий (совершение распорядительных действий, заявление ходатайств и отводов, участие в исследовании доказательств и др.). Доказательственная сила признавалась только за показаниями сторон, даваемыми под присягой, а также признанием факта. Засвидетельствованный под присягой факт рассматривался как бесспорно установленный и не подлежал опровержению. Отказ от принесения присяги безусловно устанавливал обстоятельство в том виде, в каком оно излагалось противной стороной. Основываясь на древнеримском тезисе о невозможности тяжущихся свидетельствовать в своем же деле, законодательство признавало недопустимым использование сообщений сторон об обстоятельствах дела в качестве доказательств.

Признание ответчиком иска, сделанное в суде, рассматривалось как полное доказательство и являлось достаточным основанием для вынесения судебного решения. Признание обладало такой юридической силой, что истец его сделавший, лишался права на подачу жалобы на решение суда, в основу которого было положено это признание (р. 4 а. 88 Статута ВКЛ 1588 г.) [3, с. 201].

С целью получения признания простого человека могли пытаться. Однако, если по Статуту 1566 г. пытаться можно было каждого простого человека, то уже по Статуту 1588 г. пытаться можно было только подозреваемого и на протяжении не более одного часа. Запрещалось применять такие виды пыток, которые были опасны для жизни или калечили человека. Первый запрет пыток был сделан в Полоцкой грамоте 1511 г.: суду запрещалось верить признаниям, полученным под пыткой. Полный запрет пыток как средства получения признания был осуществлен только в 1776 г.

Кроме признаний в судопроизводстве того времени активно использовались свидетельские показания. Свидетелями в суде могли быть мужчины и женщины, взрослые и несовершеннолетние, свободные и крепостные люди. Не могли быть свидетелями лица, ранее осужденные за тяжкие преступления или признанные судом лжецами, слуги и подданные – за своих хозяев или против них, сумасшедшие, изгнанники, а также лица, юридически заинтересованные в исходе дела [4, с. 126].

Свидетельские показания могли быть двух видов: показания о юридических фактах и показания о добропорядочности сторон. Показания свидетелей сопровождалась, как правило, присягой, которая приносилась на Библии. Количество свидетелей, необходимых по тому или иному делу, заранее определялось в законе. Показания считались полным доказательством, ес-

ли их давали не менее трех свидетелей. Так, артикул 81 раздела 4 Статута 1588 г. закреплял, что сторона, отыскивая свою вещь, должна доказать иск свой тремя свидетелями, причем «людми веры годными и не подозрейными», а если нет трех свидетелей, то при двух свидетелях «сам маеть присегнути» и таким образом вернуть свою вещь [3, с. 198].

При оценке свидетельских показаний предпочтение отдавалось шляхтичу по сравнению с простым человеком, духовному лицу – по сравнению с мирянином, должностному лицу – по сравнению с обычным гражданином.

Таким образом, процессуальное право ВКЛ в XVI в. содержало как прогрессивные положения, многие из которых опережали свое время, так и негативные, свойственные любому феодальному праву (публичность осуществления наказания, жестокость некоторых форм смертной казни: четвертование, сожжение и др., наличие телесных наказаний, объявление виновного вне закона и изгнание за пределы государства и др.).

Труд юристов (теоретиков и практиков) ВКЛ был по достоинству оценен и использован юристами ряда европейских государств. Все три Статута переводились на многие европейские языки (латинский, польский, русский, немецкий и др.) и послужили образцом кодификации. Они оказали значительное влияние на законодательную и судебную практику соседних государств, особенно Восточной Пруссии и Ливонии, которые были тесно связаны с Польшей и Великим княжеством.

1. Гражданский процесс БССР / под ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. – Минск, 1979.
2. Статут Великого княжества Литовского: с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции приличные содержанию онага. – СПб. – 1811. – Ч. 1.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі / пад рэд. І. П. Шамякіна. – Мінск, 1989.
4. Юхо, И. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / И. А. Юхо. – Мінск : Беларусь, 1991.

Сукина Л.Б.
ИКОНЫ РУССКИХ СВЯТЫХ
И РЕЦЕПЦИЯ ФЕНОМЕНА СВЯТОСТИ В КУЛЬТУРЕ XVI–XVII ВВ.

Одна из важнейших проблем в работе историка русского средневековья – недостаток исторических источников. Их сохранность и неполнота создают препятствия для детальной и непротиворечивой реконструкции большинства событий и явлений той эпохи. В особенности это относится к исследованиям в области социальной и культурной истории допетровского времени.

Историки западноевропейской средневековой культуры и медиевисты, занимающиеся исторической антропологией (Й. Хейзинга, Ж. Ле Гофф, А.Я. Гуревич и др.), давно рассматривают произведения средневекового искусства, – книжные миниатюры, церковные росписи и алтарные картины, элементы скульптурного декора храмов, – в качестве важных исторических источников, способных заполнить лакуны в реконструкции картины мира «безмолвствующего большинства» прошлого. Для исследователя, изучающего русское средневековье, такое же значение могут иметь произведения иконописи.

В свое время В.О. Ключевский пришел к выводу, что русские жития малособытийны и однообразны [1]. Но в добавленных к ним описаниях чудес святых много ценного исторического материала по истории монастырей и культа подвизавшихся в них преподобных. Историк подчеркивал: «Еще важнее то, что они большей частью единственные записки о каком-нибудь темном уголке России, в которых местное население является с своими нравственными и физическими недугами, иногда с своими этнографическими и культурными особенностями. Наконец, трудно указать другой отдел древнерусских исторических памятников, в котором с такой откровенностью и полнотой высказались бы потаенные понятия, как биографа, так и всего общества» [1, с. 279–280]. При этом В.О. Ключевский указывал, что списки житий не были особенно распространены в качестве нравственно-учительного чтения даже среди грамотной части населения [1, с. 250].

Однако не только практика добавления к житиям прижизненных и посмертных чудес святых, оформившаяся в XVI–XVII вв., оказала заметное влияние на восприятие святости широкими слоями духовенства и мирян, но и иконы русских святых, писавшиеся тогда сотнями и сохранившиеся в десятках экземпляров в музейных собраниях. Предметом нашего рассмотрения будут, в первую очередь, большие иконы, предназначавшиеся для приходских и монастыр-